

А. Н. Столович

И. КАНТ
И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ

Закономерно то, что «философия ценности» в наиболее последовательном и систематизированном виде сформировалась именно в кантовской традиции. Для Канта человеческая личность при всей ее уникальности не замкнута в себе самой ни этически, ни эстетически. Развитие теоретико-ценностных воззрений Канта осуществлялось по мере осознания им общечеловеческих оснований ценностей. Непреходящим достижением кантовской аксиологии является утверждение гуманистической природы и общечеловеческой значимости ценностей.

Gesetzmäßig ist, dass sich «die Philosophie des Wertes» in der konsequentesten und systematisierten Art gerade in der Tradition von Kant formiert. Für Kant ist die menschliche Persönlichkeit bei all ihrer Einzigartigkeit weder ethisch, noch ästhetisch in sich geschlossen. Die Entwicklung der axiologischen Ansichten Kants entwickelte sich je nach seinem Begreifen der allgemein-menschlichen Grundlagen der Werte. Zu einer unvergänglichen Errungenschaft Axiologie Kants ist seine Behauptung der humanistischen Natur und der allgemein-menschlichen Gültigkeit der Werte.

Ключевые слова: Кант, ценность, аксиология, значение, личность, общечеловеческие ценности, телеология.

Keywords: Kant, value, universal values, axiology, meaning, personality, teleology.

Кант и кантовцы о ценности

Возникновение «философии ценностей» принято связывать с именем Германа Лотце (1817–1881) [27, S. 516; 32, с. 644; 33, S. 559]. Утверждение существования мира ценностей было реакцией на позитивизм, ограничивающий мировоззренческий кругозор непосредственно эмпирической действительностью, постигаемой только естественнонаучным знанием. Г. Лотце возвел понятие «ценность» в ранг философской категории и четко обозначил область философии, которую он определил как «мир внутренних ценностей», противопоставив его «миру явлений»: «Для человеческого разума пропасть разделяет мир ценностей от мира явлений (Welt der Gestalten)» [29, Т. 1, S. 447]. Притом,

следуя за Кантом, он утверждает, что «неколебимое убеждение в существование неразрывного единства между обоими мирами сочетается у нас с осознанной верой в невозможность его познания» [29, Т. 1, С. 447]¹. Такое деление соответствует у Г. Лотце делению на «царство средств» и «царство целей» [Ibid, С. 451]. Таким образом, в понимании «мира ценностей» он исходит из Канта, у которого «царство целей» и есть обитель ценностей: «В царстве целей всё имеет или *цену*, или *достоинство*» [10, с. 276].

По взглядам Лотце, все ценности представляемых предметов «мы схватываем только чувством удовольствия или неудовольствия» [29, Т. 1, С. 281]. В этой связи нельзя не вспомнить, что *чувство удовольствия или неудовольствия*, с точки зрения Канта, — способность души, лежащая в основе одной из высших познавательных способностей — способности суждения, имеющей априорный принцип «целесообразность» [13, с. 152–153].

Кант оказал воздействие на философию ценности Лотце и через Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841), который в своей трактовке ценностей продолжил кантовскую традицию. Лотце, следуя за Гербартом, разделяет «философию на философию о мире сущего и философию о мире ценностей», отмечая у Гербарта деление философии на теоретическую и практическую в зависимости от отношения к ценности [31, С. 92].

Для дальнейшей разработки теории ценности было важно понятие «значимость» (Gelten), которое характеризовало особый вид бытия истин в отличие от существования вещей [29, Т. 3, С. 208–209; 30, С. 513]. Понятие «значимость» Лотце ввел вслед за своим учителем Х-Г. Вейссе (1801–1866), тем самым Вейссе, который впервые выдвинул в 1847 г. лозунг «Назад к Канту!». Этот лозунг в 1865 г. был повторен Отто Либманом (1840–1912), стоявшим у истоков неокантианства и развивавшим свое учение об априорных субъективных ценностях, находящихся в некоей трансцендентальной сфере, не будучи свойством или качеством объектов².

Философия Канта, включающая в себя «Критику способности суждения», т.е. оценочного отношения к миру, обосновывавшая бытие ценностей для разумных существ и самоценность человеческой личности, положила начало особого философского внимания к ценностной значимости мира. Последующее развитие философской теории ценности так или иначе было связано с именем Канта. Закономерно то, что «философия ценности» в наиболее последовательном и систематизированном виде сформировалась именно в кантианской традиции. Неокантианцы Баденской (или Фрейбургской) школы саму философию трактовали «как учение об общезначимых ценностях» [2, с. 387]) и усматривали задачу философии в том, чтобы «истолковать *смысл* человеческой жизни на основе учения о значащих *ценностях*» [19, с. 46.].

Стимулировало развитие теории ценностей и творческая деятельность Фридриха Ницше, поставившего вопрос о «переоценке всех ценностей», а также разработка политической экономии, которая исследовала категорию «стоимость», представляющую собою один из видов ценности – экономическую ценность. Но и эти течения теории ценностей, как и феноменологическое направление в аксиологии, не могли пройти мимо Канта, отталкиваясь от него. Отталкивание – это ведь и позиция, из которой исходят, и

¹ Философскую концепцию ценностей Г. Лотце автор этой статьи подробно рассмотрел в книге: «Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии» [22, с. 121–129].

² О теоретико-ценностных воззрениях О. Либмана см. [28, С.299–300].

движение от этой позиции. С начала XX века русская аксиологическая мысль развивалась в постоянной полемике и диалоге с неокантианской теорией ценности [24, с. 12–22]. Забавным свидетельством внедренности имени Канта в теорию ценности является и то, что марксистско-ленинские ортодоксы-догматики клеймили «неокантианской ревизией марксизма» стремление некоторых советских философов и эстетиков разрабатывать теорию ценности на основании классического марксизма в 60-х гг. прошлого века.

Предпосылкам кантовским воззрениям на ценность и самим этим воззрениям посвящена обширная литература³, в том числе и автора этих строк [20, с. 95–102; 21, с. 82–91; 22, с. 102–116; 23, 94–105; 34, S. 199–205]. В настоящей статье я хочу рассмотреть главным образом проблему, поставленную и обсуждаемую в связи со значением Канта в развитии аксиологии: нельзя ли автора «Критики способности суждения», а не его последователей, включая Лотце, считать основателем философии ценности? На самом деле, разве уже по самому своему наименованию «Критика способности суждения» не является первым философским трактатом по теории ценности? Не является ли способность суждения способностью *ценностного* суждения? На эти вопросы в кантоведении и аксиологии даются разные ответы.

Ценностные суждения в «Критике способности суждения»

Историк аксиологических теорий Оскар Краус подчеркивал плодотворность для общей теории ценности «Критики способности суждения» [28, S. 115–119]. Один из ведущих российских кантоведов В. А. Жучков этой проблеме посвятил раздел своей капитальной работы «Структура ценностного сознания и его место в системе философии Канта», в котором утверждает, что «в “Критике способности суждения” Кант и сформулировал ряд существенных принципов ценностного сознания и деятельности субъекта...» [4, с. 91]. В более поздней статье «Мировоззренческое значение “Критики способности суждения” в философии Канта» [5, с. 8–24] он подробно развертывает это положение. Исследователь полагает, что «третья “Критика” посвящена анализу структуры и принципов ценностного сознания...», хотя «ее подлинное место и значение в системе критической философии не сводится к определению специфики и функций ценностного сознания» [5, с. 10]. В. А. Жучков считает *чувство удовольствия*, подведение которого под априорный принцип целесообразности, включенный в систему высших способностей разума под именем рефлектирующей способности суждения, особым *ценностным* состоянием субъекта [5, с. 12]. По словам В. А. Жучкова, «благодаря обнаруженному в третьей “Критике” особому – ценностному – уровню сознания субъекта, разработанным здесь принципам деятельности рефлектирующей способности суждения, он создал предпосылки или получил возможность для их включения в состав более широкой концепции человека как субъекта культуры, для их объединения в рамках всеобщей и целостной системы мировоззрения» [5, с. 20–21].

А. В. Гульга в своей известной биографии Канта писал, что включенное в систему кантовской философии «чувство “удовольствия и неудовольствия” означает, выражаясь современным языком, ценностную эмоцию» [3, с. 181].

³ Из сравнительно недавних обстоятельных исследований, в которых рассматриваются аксиологические воззрения Канта, отметим [25, с. 289–334; 18, с. 27–38].

Эти утверждения оспариваются в одном из недавних исследований теоретико-ценностных воззрений Канта. В книге «Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль» (2006) В.К. Шохин при рассмотрении в этой связи «Критики способности суждения» подчеркивает важную для всей его концепции истории аксиологии мысль: «Хотя многие кантоведы усматривают аксиологические установки уже в анализе суждений вкуса, типа: “Эта роза прекрасна”, — для этого, как представляется, нет достаточных оснований. Суждения подобного типа являются, безусловно, *оценочными*, но еще не *ценностными*, поскольку в них не вербализуется то, что можно назвать отношением к ценности. В самом деле, суждения типа “Этот банк надежен” или “Этот путь удобен” будут также оценочными, но они не выражают личностное ценностное восприятие объекта, свидетельствуя лишь о констатации объективных характеристик последнего <...>. Потому и в данном случае, как и во всех прочих, целесообразно не “вчитывать” в кантовский текст наши представления об аксиологических суждениях, которые, как только что выяснилось, основываются и на недостаточно ясных разграничениях в мире суждений, но держаться его собственной аксиологической лексики. Пример обсуждаемого расширенного толкования аксиологического в Третьей Критике дает трактовка А.В. Гулыги, отождествляющего чувство удовольствия и неудовольствия с “ценностной эмоцией”, на которой основывается вся эстетическая способность суждения (художественная интуиция), создающая искусство в качестве “среднего члена между природой и свободой”» [25, с. 316–317].

«Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»

Прежде всего постараемся выяснить, насколько обосновано утверждение о том, что «целесообразно не “вчитывать” в кантовский текст наши представления об аксиологических суждениях», «но держаться его собственной аксиологической лексики». В таком случае, целесообразно ли называть кантовские теоретико-ценностные суждения «аксиологическими», как и вообще говорить о «ранней аксиологической мысли», воссоздать историю которой попытался сам В.К. Шохин? В лексике Канта, как общеизвестно, нет слова «аксиология» и производных от него слов. Слово «эстетика» Кант использует, следуя за Баумгартеном. Но вправе ли мы, в том числе А.Ф. Лосев, написавший многотомную «Историю античной эстетики», использовать слово «эстетика» и от него производные по отношению к античности? Этот вопрос можно считать риторическим. Но вернемся к Канту. Действительно, автор «Критики способности суждения» нигде не называет красоту ценностью. Но разве мы не имеем права, разумеется, не приписывая Канту несвойственную ему лексику, так сказать, «задним числом» учитывать, что кантовские рассуждения о красоте и ее восприятии, по сути дела, являются ценностными? Ведь и сам Кант, притом неоднократно, писал о красоте как предмете эстетического суждения и суждения вкуса. Аксиологическими понятиями в эстетике Канта выступают, по сути дела, и «эстетическая способность суждения», и «эстетический вкус», «суждение вкуса», и «идеал красоты», и «эстетическая *идея нормы*» [23, с. 94–105]. По отношению к искусству Кант употребляет и бесспорно аксиологическое понятие «эстетическая ценность» [14, с. 344].

В этом случае, как и во множестве других, при исследовании истории любых теоретических воззрений, в том числе, конечно, и в области аксиологии,

мы имеем дела с диалектической проблемой соотношения исторического и логического. По известному афоризму К. Маркса, «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны», который объясняется им следующим образом: «Намки же на более высокое у низших животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [17, с. 42].

Обратим внимание на то, что истоки этого диалектического методологического принципа содержатся именно у Канта в его методологической трактовке телеологического суждения в приложении к «Критике способности суждения» «Учение о методе, касающееся телеологической способности суждения» (§ 78–80). Отрицая в природе наличие целей, о которых мы ничего не можем знать («понятие реальной цели природы лежит полностью за пределами способности суждения, если последняя берется сама по себе» [13, с. 138]), мы вместе с тем не можем не видеть наличный факт органической и иной целесообразности, лежащий в основе как эстетического, так и телеологического суждения. Этот факт Кант определяет своей знаменитой формулой «целесообразность без цели»: «Целесообразность, следовательно, может быть без цели, поскольку мы причины этой формы не усматриваем в некоей воле...» [14, с. 223]. Из этого и исходит кантовский методологический принцип, полностью соответствующий формуле «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»: «Похвально посредством сравнительной анатомии (подчеркнуто мною. — Л. С.) обозреть великое творение органической природы, дабы узнать, не находится ли в нем нечто подобное системе, и притом согласно принципу возникновения...» [14, с. 449]. Этим и должен руководствоваться, как пишет Кант, «археолог природы», изучая ее древние явления, «творения менее целесообразной формы» [14, с. 450], находя в них предпосылки последующих более целесообразных форм.

В соответствии с этим кантовским методологическим принципом, который был апробирован последующим развитием диалектического мышления, мы вправе, изучая историю аксиологических учений и вообще историю философии, экстраполировать термины, которые возникли впоследствии, такие, как «эстетика» и «эстетическое», «аксиология» и «аксиологическое», определять в качестве ценности и то, что в свое время ценностью не называлось. Такую экстраполяцию нельзя квалифицировать как антиисторическую модернизацию.

В. К. Шохин в принципе прав, когда считает, что не все оценочные суждения ценностны, «поскольку в них не вербализуется то, что можно назвать отношением к ценности» [25, с. 316]⁴. Однако, справедливо считая, что не все оценочные суждения ценностны, В. К. Шохин сам критерий ценностности, на мой взгляд, трактует односторонне и это сказывается на общей оценке им аксиологии Канта. Как уже отмечалось, для В. К. Шохина суждение «Эта роза прекрасна» и суждения «Этот банк надежен» или «Этот путь удобен» — это суждения одного типа, т. е. они являются оценочными, но не ценностными. Почему, собственно говоря? Вот ответ на этот вопрос автора книги «Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль», если воспользоваться

⁴ В книге М. С. Кагана «Философская теория ценности» (1997) правильно, на мой взгляд, отмечается, что аксиологическое суждение — это действительно «отнесение к ценности», в то время как могут быть оценочные суждения, выражающие избирательную способность человека (и даже животного) без отношения собственно к ценностям, как, например, экспертная оценка эффективности работы машины или качества товара, так как «критерием истинности оценки является здесь практика, а не ценность» [6, с. 79].

приведенными ранее его словами: «...поскольку в них не вербализуется то, что можно назвать отношением к ценности» [25, с. 316–317]. А что значит для В.К. Шохина «отношение к ценности»? Ответ: «Личностное ценностное восприятие объекта», в то время как вышеприведенные суждения («Эта роза прекрасна», «Этот банк надежен», «Этот путь удобен») – свидетельствуют «лишь о констатации объективных характеристик».

«Персоналистическая теория ценностей» и теория ценностей Канта

Всё дело в том, что В.К. Шохин стремится обосновать так называемую «персоналистическую теорию ценностей». По этой концепции ценности укоренены только «в личностном субъективном бытии» [там же, с. 128] и характеризуют «глубинный уровень значимостей-для-кого-то» [там же, с. 85]. Таким образом, трактуемые ценности представляют собой «глубинные уровни индивидуальных значимостей, носящие отнюдь не универсальный, но сингулярный характер», как отмечено в авторской аннотации книги [там же, с. 6, 399].

Нет сомнения в существовании индивидуальных (или, если угодно, персональных) ценностей, имеющих значимость для субъекта-личности. Однако сводить весь мир ценностей только к ценностям этого типа, а единственно правильной полагать лишь «персоналистскую концепцию ценностей» [там же, с. 75], на мой взгляд, теоретически неправомерно. Попытка В.К. Шохина историко-аксиологическим материалом подтвердить свою концепцию скорее убеждает в том, что «персоналистический аксиологический дискурс» не может представляться итогом развития мировой аксиологической мысли, в которой, как справедливо отмечает сам В.К. Шохин, доминирует характеристика «ценностей как универсальных, общечеловеческих (в прикладной аксиологии еще и социально-групповых) потребностей, интересов, желаний и приоритетов, исходных для любого целеполагания» [там же, с. 399]. Думается, что рецензент книги В.К. Шохина не без основания отмечает, что «если мы примем теорию ценностей, предложенную в рецензируемой книге, аксиология может остаться без работы» [1, с. 153].

Не подтверждают такого рода «персоналистическую теорию ценностей» и аксиологические воззрения Канта. Он действительно многократно и принципиально соотносит *ценности* и *личность*. Вспомним его тексты.

В «Основах метафизики нравственности» (1785 г.) Кант писал, что «все предметы склонности имеют лишь обусловленную ценность, так как если бы не было склонностей и основанных на них потребностей, то и предмет их не имел бы никакой ценности» [10, с. 269]. Однако сами ценности могут быть как относительными, так и абсолютными. «Предметы (*die Wesen*), существование которых хотя зависит не от нашей воли, а от природы, имеют тем не менее, если они не наделены разумом, только относительную ценность как средства и называются поэтому *вещами*...» [там же, с. 269]. Деление ценностей на относительные и абсолютные связано, по Канту, с характером целей. Цели же могут быть субъективными и объективными. Так, вещи, существующие независимо от нашей воли и не являющиеся наделенными разумом, не имеют объективных целей. Они соотносятся только с нашими, субъективными целями. И поэтому они и характеризуются как ценности относительные, как «ценность *для нас*» [там же]. «Объективными целями» Кант называет *лица* – разумные существа, которые, в отличие от вещей, выступают «как цели сами по себе», «существование которых само по себе есть цель, и эта цель не может быть заменена никакой другой целью, для которой они долж-

ны были бы служить только средством». Таким образом понимаемая «объективная цель» и придает «абсолютную ценность» [10, с. 269].

В «Критике способности суждения» (1790 г.) философ ставит проблему бытия ценности: «...если бы мир состоял из одних только безжизненных или отчасти из живых, но лишенных разума существ, то существование такого мира не имело бы никакой ценности, так как в нем не было бы существа, которое имело бы хотя бы малейшее понятие об этой ценности» [14, с. 485]. Это высказывание не следует интерпретировать как субъективизацию ценности. Дело не просто в том, что ценность существует, поскольку о ней есть понятие. По Канту, ценность существует изначально как свойство разумного человека и человеческого отношения к миру, как мера человечности и свободы. Вслед за сейчас приведенными словами он пишет, что человеческий разум не только усматривает «ценность существования вещей только в отношении природы к ним (разумным существам. — Л.С.) (в их благополучии)», но и «в состоянии придать эту ценность себе первоначально (в свободе)» [там же]. «...Высшее благо в мире, возможное через свободу, и есть эта конечная цель» [там же], т.е. конечная цель человеческого существования и мира, определяемая моральным законом. Поэтому «...добрую волю» — как выражение свободы способности желания — Кант определяет как условие абсолютной ценности человеческого существования: «добрая воля есть то, единственно посредством чего его существование может иметь абсолютную ценность и по отношению к чему существование мира может иметь *конечную цель*» [14, с. 477]. И о человеке «должно судить по тому, что помимо всяких внешних отношений единственно составляет абсолютную ценность человека» [там же, с. 282].

В.К. Шохин стремится сделать Канта своим единомышленником, когда утверждает, что у Канта «впервые в истории философии **персонализм** получил аксиологическое обоснование», что кёнигсбергский философ разводит *цену* и *ценность* «лишь благодаря персоналистическому наполнению ценностного», что «Кант исходя из персонализма спроектировал **аксиологическое обоснование** всей “**практической философии**”» [25, с. 332]. Термин «персонализм», в основе которого находится слово *персона* — *личность*, чрезвычайно многозначен, и существующие в прошлом и настоящем философские концепции, именуемые *персонализмом* и дающие свои *персоналистические методологии*, отнюдь не едины. Вправе ли кантовское понимание соотношения *ценности* и *личности* рассматривать как «персоналистическую теорию ценностей», по которой «глубинные уровни индивидуальных значимостей» носят «отнюдь не универсальный, но сингулярный характер»? Вышеприведенные суждения Канта делают этот вопрос риторическим, хотя он использует словосочетание «личная ценность» («*einer persönliche Werth*») [14, с. 517], но не в том смысле, который придается ему «персоналистической теорией ценностей».

И сам В.К. Шохин это вполне осознает, когда следующим образом итожит рассмотрение кантовской аксиологии: «...те, кто был способен оценить кантовский персонализм, могли оказаться в недоумении относительно того, что каждая человеческая личность, которая уникальна и выше всякой цены, оценивается исходя из одного только соответствия единому для всех нравственному закону...» [25, с. 333]. Подкрепить этот довод против выхождения Канта за пределы уникальной личности призван такой вопрос: «Не исчезнет ли ценность его (т.е. человека. — Л.С.) поступков от одного только люциферического “законнического” самодовольства?...» [там же, с. 334]. «Люциферическим “законническим” самодовольством» В.К. Шохин изящно называет стремление Канта к обоснованию общечеловеческого значения высших ценностей. По Канту,

действительно, «достоинство» — нравственно-моральная ценность, являющаяся «законодательствующим членом в царстве целей», так как «только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством» [10, с. 277]. Поэтому, по убеждению Канта, правильная «оценка показывает нам ценность такого образа мыслей, как достоинство, и ставит достоинство бесконечно выше всякой цены, которую совершенно нельзя сравнивать с ней, не посягая как бы на его святость» [там же, с. 277 — 278].

Общечеловеческое основание ценностей в аксиологии Канта

Для Канта человеческая личность при всей ее уникальности не замкнута в себе самой ни этически, ни эстетически. В «Критике практического разума» (1788) «ценность предметов согласно моральным идеям» основывается на следующем понимании человека: «Человек, правда, не так уж свят, но человечество в его лице должно быть для него святым» [11, с. 414]. А «идеалом красоты», по Канту, может быть «только человек», поскольку он «имеет цель своего существования в себе самом» и в состоянии «эстетически судить» в согласии «с существенными и всеобщими целями», а также потому, что только человек и «человечество в его лице как мыслящее существо (Intelligenz) может: быть идеалом совершенства» [14, с. 237].

В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант сопрягает понятие «культура» с понятием «ценность», отмечая, что культура «собственно состоит в общественной ценности человека» [8, с. 11].

Кант отлично понимал то, что впоследствии было названо в аксиологии «натуралистической ошибкой»: недопустимость смешивать ценность с тем предметом, объектом, который представляется как ценный. Поэтому для него объективность ценностной оценки заключается не в объективности природных вещей, а в объективности высших целей человеческого существования.

Кант не считает, что все человеческие представления о ценностях («личные ценности») являются истинными. Ценности могут быть и мнимыми, иллюзорными. К последним мыслитель относит, например, суждения людей, порождаемые «иллюзией честолюбия», — «жажду титулов и орденов» [15, с. 240]. Вообще он отвергает критерии ценности, основанные на чисто субъективных склонностях и потребностях людей, в том числе в наслаждении. «Нетрудно догадаться, — читаем мы в «Критике способности суждения», — какую ценность имела бы для нас жизнь, если бы она ценилась только по тому, чем наслаждаются <...>. Эта ценность опускается ниже нуля». «Ценность имеет жизнь сообразно тому, что она содержит в себе, если ведется в соответствии с той целью, которую природа преследует через нас...» [14, с. 467].

Достоинно внимания, что развитие теоретико-ценностных воззрений Канта осуществлялось по мере осознания им общечеловеческих оснований ценностей. В «докритическом» эссе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764) и в «Приложении» к нему [7, с. 127 — 224] Кант пишет о ценностях еще на уровне многих остроумных рассуждений о вкусах XVII — XVIII веков Грасиана-и-Моралеса, Франсуа де Ларошфуко, Жана де Лабрюйера, Анны Дасье, Жана-Батиста Дюбо, Монтескье, Вольтера, Д'Аламбера, Дидро, Руссо и др. Впоследствии Кант критикует все эти рассуждения о вкусе как эмпирические, не имеющие основания a priori, т.е. в самой сущности человеческой природы.

По мере того как Кант выявлял априорные истоки понятия «Wert-ценность», он переходил от обычного и даже обыденного значения слова

«ценность» к его категориальному значению, вписывающемуся в систему его философии. В «Критике чистого разума» можно прочесть, что трансцендентальная логика «рассматривает суждения и с точки зрения ценности или содержания этого логического утверждения посредством чисто отрицательного предиката и определяет, прибавляет ли оно что-нибудь ко всей совокупности знания...» [9, с. 169]. Однако в «Критике чистого разума» еще не сложилась кантовская теоретико-ценностная система, хотя там понятие «Wert-ценность» используется несколько раз. Рассмотрим, в каком смысле Кант в этом труде оперирует словом «ценность», тем более, что такой обзор еще не был произведен в аксиологическом кантоведении. Для наглядности мы подчеркнем в кантовском тексте слово «ценность».

Кант писал о необходимости «обстоятельно ознакомиться с трансцендентальным применением чистого разума, с его принципами и идеями, чтобы иметь возможность в надлежащей мере определить влияние и ценность чистого разума» [там же, с. 353–354]. По его словам, в применении разума и непрерывном расширении этого применения «философия обнаруживает достоинство, которое далеко превосходило бы, если бы только она могла отстоять свои притязания, ценность всех остальных человеческих наук» [там же, с. 432]. Речь идет и о том, что «высшая воля» должна быть «всеведующей, чтобы познавать сокровеннейшее в образе мыслей и его моральную ценность» [там же, с. 669]. Философ, как математик и химик, должен, по мнению Канта, «*обособлять* друг от друга знания, различающиеся между собой по роду и происхождению», «чтобы иметь возможность точно определить долю, ценность и влияние особых видов знания в разнообразном применении рассудка» [там же, с. 686]. С точки зрения автора «Критики чистого разума», «математика, естествознание и даже эмпирические знания человека имеют высокую ценность как средства главным образом для случайных целей, а если они в конце концов становятся средством для необходимых и существенных целей человечества, то это достигается не иначе, как при посредстве познания разума на основе одних лишь понятий, которое, как бы мы ни называли его, есть, собственно, не что иное, как метафизика» [там же, с. 692]. Однако для Канта метафизика как «завершение всей культуры человеческого разума» в качестве чистой спекуляции «служит больше для предотвращения ошибок, чем для расширения знаний, но это не наносит никакого ущерба ее ценности, а скорее придает ей достоинство и авторитет...» [там же].

Раньше всего *ценность* осознается Кантом в философско-категориальном смысле в его этических трудах по отношению к понятию моральная, или нравственная, ценность. Эстетику и связанные с ней ценностные понятия он включает в орбиту своей философской системы по мере нахождения лежащий в ее основе априорный принцип. Еще в первой «Критике» свой отказ именовать «критику вкуса» эстетикой, как это делал Баумгартен, Кант аргументировал тем, что правила вкуса «имеют своим главным источником только эмпирический характер и, следовательно, никогда не могут служить для установления определенных априорных законов, с которыми должны были бы согласоваться наши суждения, касающиеся вкуса...» [там же, с. 128]. В «Критике практического разума» эстетическое противопоставляется логическому. Эстетическое здесь еще — эмпирически чувственное, чувственная потребность и как таковая противостоит моральному отношению даже в его эмоциональном проявлении. Для Канта здесь чувства удовольствия и неудовольствия — только психологические явления, вызываемые действительными предметами, но он еще считает, что «a priori

нельзя усмотреть, какое представление будет сопровождаться удовольствием, а какое — неудовольствием» [11, с. 380]. Поэтому-то тогда Кант полагал, что критическая оценка прекрасного не может быть подведена под принципы разума и правила этой оценки не могут быть научным знанием.

Однако именно практическая, нравственная философия приводит Канта к сознанию ценности эстетической сферы, не совпадающей с эмпирической чувственностью. В письме Карлу Леонарду Рейнгольду от 28—31 декабря 1787 г. Кант пишет о посылке ему «Критики практического разума» и в то же время сообщает о своей работе над «Критикой вкуса», для которой он открыл новый род принципа — принцип *a priori*, лежащий в основе чувства удовольствия и неудовольствия, хотя прежде «считал невозможным найти подобные принципы» [12, с. 561]. Необычайные достижения кантовской эстетики, которые все более и более осознаются сквозь призму последующего развития эстетической мысли, обусловлены именно тем, что Кант включил эстетическое мироотношение в систему ценностного миропонимания и сделал это более теоретически осознанно и обоснованно, чем кто-либо из его предшественников.

Каждый аксиолог вправе иметь свою концепцию ценности. Он может принимать или же не принимать аксиологическую концепцию Канта, но непозволительно Канту приписывать собственную концепцию, а то, что не укладывается в ее аксиологическое «прокрустово ложе», именовать «люциферическим “законническим” самодовольством».

С точки зрения автора этих строк, непреходящим достижением кантовской аксиологии является утверждение им гуманистической природы и общечеловеческой значимости ценностей. Для теоретического развития аксиологии очень важным было обоснование Кантом *телеологического характера ценностного отношения*, включение его в «царство целей». Ведь ценность — телеологическое понятие, значимость *для кого-то*. Таким образом, Кант и дает свой ответ на вопрос: для кого ценность есть подлинная ценность.

Но можно ли создателя «Критики способности суждения» считать основателем философской теории ценности? Он постепенно шел к пониманию универсальности ценностного отношения, включая в его сферу нравственные ценности, затем эстетические и экзистенциальные ценности (ценность жизни), ценности культуры и, наконец, познавательные ценности: «*Внутренняя* ценность, которую знания имеют благодаря логическому совершенству, несравнима с его *внешней* прикладною ценностью» [16, с. 350]. Кант включил ценностную проблематику в свою философскую систему. Философской значимостью аксиологических идей Канта и обусловлено воздействие их на всю последующую аксиологическую мысль и когда она принимала его концепцию или же отталкивалась от нее. На мой взгляд, теория ценностей как особая философская дисциплина не случайно возникла в русле кантовской традиции послекантовской философии. Лотце «поставил точку над *i*», но Кант создал то, над чем можно было поставить точку.

Список литературы

1. Васильев В. В. Персональные ценности. Размышления о книге В. К. Шохина «Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль» // Вопросы философии. 2008. № 5.
2. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т. 2: От Канта до Ницше. СПб., 1913.
3. Гулыга А. В. Кант. М., 1981.

4. Жучков В.А. Система кантовской философии и ее трансформация в неокантианстве // Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978.
5. Жучков В.А. Мировоззренческое значение «Критики способности суждения» в философии Канта // TELEOLĢIJA UN ESTĒTIKA. Rīga, 1990. С. 8–24.
6. Казан М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.
7. Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного. 1764 // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 127–224.
8. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (1784) // Там же. М., 1966. Т. 6. С. 5–23.
9. Кант И. Критика чистого разума // Там же. М., 1964. Т. 3. С. 69–756.
10. Кант И. Основы метафизики нравственности. 1785 // Там же. М., 1965. Т. 4 (1). С. 219–310.
11. Кант И. Критика практического разума // Там же. С. 311–501.
12. Кант И. Кант – Рейнгольду (28 и 31 декабря 1787 г.) // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 559–562.
13. Кант И. Первое введение в критику способности суждения. 1789–1790 // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 99–160.
14. Кант И. Критика способности суждения // Там же. С. 161–513.
15. Кант И. Религия в пределах только разума (1793) // Кант И. Трактаты и письма. С. 78–278.
16. Кант И. Логика. Пособие к лекциям (1800) // Там же. С. 319–444.
17. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1968. Т. 46, ч. 1.
18. Микешина Л. Эпистемология ценностей. М., 2007.
19. Риккерт Г. О системе ценностей // Логос. М., 1914. Т. 1, вып. 1.
20. Столович Л.Н. Проблемы эстетики в «Критике практического разума» // Кантовский сборник. Калининград, 1988. Вып. 13. С. 95–102.
21. Столович Л.Н. Иммануил Кант о понятии ценности // TELEOLĢIJA UN ESTĒTIKA. Rīga, 1990. С. 82–91.
22. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994.
23. Столович Л.Н. Аксиологический подход к эстетическим категориям в эстетическом учении Иммануила Канта // Лучшие публикации «Кантовского сборника» 1975–2001. Калининград, 2003. С. 94–105.
24. Столович Л.Н. Неокантианская теория ценности и аксиология в России // И. Кант, неокантианство и Г. Коген / под ред. проф. В.Н. Белова. Саратов, 2004. С. 12–22.
25. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.
26. Eisler R. Kant-Lexikon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichen Nachlaß/ Wert (1930). URL: <http://www.textlog.de/kant-lexikon.html>
27. Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Bd. III. Berlin, 1930. Historisches Wörterbuch der Philosophie.
28. Kraus O. Die Werttheorien. Geschichte und Kritik. Brün; Wien; Leipzig, 1937.
29. Lotze H. Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. Versuch einer Anthropologie. 6. Auflage. 3 Bde. Leipzig, 1923.
30. Lotze H. System der Philosophie. I Theil. Logik. Leipzig, 1880.
31. Lotze H. Geschichte der deutschen Philosophie seit Kant. Leipzig, 1894.
32. Philosophisches Wörterbuch begründet von Heinrich Schmidt. Stuttgart: Alfred Kröners Verlag, 1957 (рус. пер. Философский словарь. М., 1961).
33. Schlotter S. Kant bis Neukantianismus; Historismus; Psychologismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Band 12. WERT. Basel: Schwabe AG – Verlag, 2004.
34. Stolowitsch L. Immanuel Kant über den Wertbegriff // Akten des Siebenten Internationalen Kant-Kongresses. 1990. Bonn: Bouvier, 1991. S. 199–205.

Об авторе

Столович Леонид Наумович – д-р филос. наук, проф. Тартуского университета, stol@ut.ee.